

Жаклин Уилсон

УРОКИ
ЛЮБВИ

РОСМАН

Жаклин Уилсон

Уроки любви

Сканирование, распознавание, вычитка – Глюк Файнридера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160453

Уроки любви: Росмэн-Пресс; 2007

ISBN 978-5-353-02739-3

Аннотация

У пятнадцатилетней Пруденс и ее сестры Грейс очень строгий папа. До того строгий, что далее в школу их не пускает. Сестры учатся дома под его неусыпным контролем. И когда папа серьезно заболел и Пруденс впервые в жизни пришлось войти в класс, она растерялась. Если бы не Рэкс, симпатичный молодой учитель рисования, девушка так и осталась бы среди сверстников белой вороной.

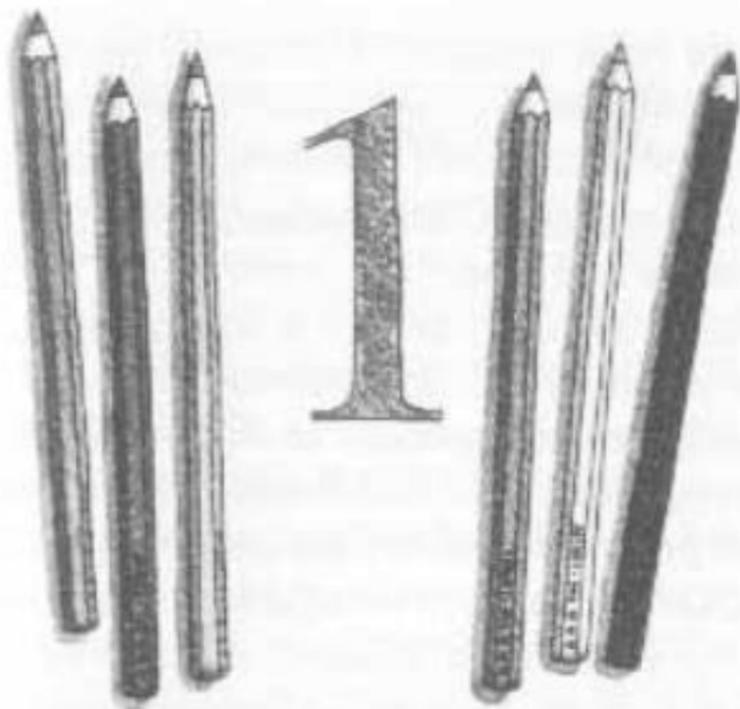
А потом она стала замечать, что с нетерпением ждет тех десяти минут, когда Рэкс отвозит ее домой и они могут побыть вдвоем.

Содержание

1	5
2	24
3	39
4	50
5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Жаклин Уилсон

Уроки любви

1

Я ненавижу своего отца.

Знаю, многие девочки-подростки так говорят, но у них это не всерьез. Мне, по крайней мере, так кажется. Правда, я не знакома близко с другими девочками-подростками. За это (хотя и не только) я и ненавижу отца. Он держит меня практически взаперти.

Он устраивает мне допрос, если я захожу в лавочку на углу. Выходить одной в город мне запрещено. В кино тоже нельзя. И в «Макдоналдс».

Отец не желал даже отпускать меня одну к мисс Робертс – репетитору по математике, которая живет от нас в нескольких автобусных остановках. Из школы он забрал нас с сестрой сто лет назад, когда я была в третьем классе, а Грейс еще играла в развивающие игры. Отец сказал, что будет воспитывать нас сам.

Очень долго мы так и жили, но этим летом к нам пришел домой мистер Майлз – чиновник из департамента образования. Он поинтересовался, как отец готовит меня к контрольной работе на получение аттестата. Отец сказал, что не верит в экзамены. Мистер Майлз улыбался, пока отец произносил свою тираду, – похоже, ему уже много раз приходилось все это выслушивать, – и, когда тот выбился из сил, обратился к нам:

– Чем вы хотите заниматься, когда вырастете, Пруденс и Грейс?

Грейс пробормотала что-то про работу с животными. Отец не разрешал нам держать домашних животных, потому что у него на них аллергия. У Грейс было множество тайных, совершенно неподходящих любимцев: дрозд в саду, жабы на мусорной куче, а одно время она прятала под кроватью банку с дождевыми червями. Питомцы Грейс вообще не отличаются привлекательностью.

– Если ты собираешься стать ветеринаром, тебе придется сдавать кучу экзаменов, – сказал мистер Майлз.

Отец фыркнул.

– Грейс у нас тупая, как осел, – заметил он неприветливо. – Она будет работать в магазине, и с нее этого вполне достаточно.

– В вашем книжном магазине?

– Да, за прилавком стоять она сможет, а вот на участие в делах ее, боюсь, не хватит. Зато Пруденс справится и с каталогами, и с закупками, и с поездками на книжные ярмарки.

Так ты этим собираешься заниматься, Пруденс, – вести дело отца? – спросил мистер Майлз.

Я вздохнула.

– Я... я бы хотела поступить в художественный институт.

Отец вытаращился на меня:

Я же тебе говорил – выкинь из головы эту чушь. Тебе незачем ходить в институт, чтобы учиться рисовать. Ты это и так

умеешь.

– Но я *хочу* ходить в институт, папа.

Отец был в бешенстве, что я с ним спорю при мистере Майлзе, но решил, что сейчас неподходящий момент выяснять отношения.

– Ладно, ладно, иди в свой институт, теряй три года, дело твое, – сказал он и торжествующе посмотрел на мистера Майлза. – Ручаюсь, что экзамен по рисованию она может сдать, стоя на голове.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся мистер Майлз. – Но, видите ли, в художественный институт требуется аттестат о среднем образовании плюс три хорошие оценки по экзаменам повышенного уровня. Мистер Кинг, вам нужно серьезнее заняться образованием ваших дочерей, тем более что Пруденс уже четырнадцать. Иначе мы будем вынуждены обратиться в суд.

– В суд? – запаниковала мама.

– Вы не имеете права. – Отец упер руки в бока и выставил подбородок. – Вы не можете запретить родителям воспитывать детей дома.

– Не можем, если они воспитывались дома с самого начала. Но ваши девочки одно время посещали школу, и все права на нашей стороне, я вас уверяю. Но лучше давайте попробуем обойтись без неприятностей. Мы ведь все желаем блага Пруденс и Грейс.

Отец, похоже, был уверен, что все это блеф, и все же договорился с этой мисс Робертс, что я буду ходить к ней по

средам после обеда заниматься математикой.

Я была там только один раз. Это оказалось невыносимо.

Мисс Робертс преподавала математику в школе для девочек сто лет назад, в 60-е годы. Похоже, она так и осталась в этом времени и по-прежнему взбивала седые жирные волосенки в пышную прическу, из-под которой проглядывала розовая кожа. Я не могла отвести глаз от этого жуткого зрелища, когда она склонялась надо мной, чтобы объяснить якобы очень простую задачу по алгебре.

Я не понимала вообще ничего. Я записывала ряды букв, но извлечь из них смысл мне не удавалось. Я привыкла, что буквы складываются в слова, а чтобы считать, мне нужны цифры – хотя с цифрами это у меня тоже не очень хорошо получается. Я вечно что-нибудь пропускаю. По субботам, когда я помогаю в магазине, баланс обычно не сходится.

Мисс Робертс очень старалась не терять терпения. Она объясняла одно и то же по нескольку раз, громко и мед-ленно. Потом в отчаянии переключилась на геометрию.

У меня получалось рисовать кривоватые круги ее старым циркулем и вполне приличные квадраты и прямоугольники с помощью моей собственной линейки, но что все это значит, я понятия не имела.

Я отдала ей двадцать фунтов, причитающиеся за урок, а она угостила меня чашкой чая (прокисшее молоко плавало пятнами по желтоватой поверхности) и застоявшимся заварным кремом.

– Не расстраивайся так, Пруденс, – сказала она. – Твой отец говорит, что ты умница. Вот увидишь, ты все это очень быстро поймешь.

Я с трудом проглотила кислую молочную хлябь и вежливо поблагодарила.

Больше я у нее не была. Следующие три среды я отправлялась в город и проматывала деньги за уроки. Целых шестьдесят фунтов! Столько денег я никогда раньше в руках не держала. Отец дает нам с Грейс по субботам по одному фунту. При этом он ведет себя так, словно доверяет нам состояние, и произносит проповедь о том, чтобы мы не тратили деньги зря на всякую ерунду. Я коплю свои и потом покупаю на них альбомы для рисования, мягкие карандаши и цветную пастель – по одной штучке.

Грейс сразу тратит свой фунт на сладости – плитку-другую шоколада и пригоршню мармеладных змеек. Шоколад она съедает тут же, а змеек бережет и потом раскладывает по ручке дивана – зеленые, желтые и красные, так что получается железный светофор. Она с ними играет, дает им имена и придумывает характеры, но при этом не может удержаться, чтобы не лизнуть, так что они становятся очень липкими. Она старается сохранить их до воскресенья, но обычно не может утерпеть и откусывает одну-две головы в субботу вечером.

Вы, наверное, подумали, что Грейс года три-четыре. Ей одиннадцать, и она очень странная.

Я знаю, что я тоже очень странная. Похоже, с этим ничего не поделаешь. Я не знаю, как быть нормальным подростком. На украденные деньги за урок я купила пару журналов для девочек-подростков. Они меня поразили, особенно те страницы, где говорилось о проблемах. Я знала, что выгляжу иначе, чем другие девочки моего возраста, но понятия не имела, насколько разный у нас опыт.

У меня не было никакого опыта. У них – целая куча. Девочки, писавшие письма в журнал о своих проблемах, говорили на каком-то незнакомом языке и, вероятно, жили на совершенно другой планете. Они носили немыслимую одежду и ходили в какие-то немыслимые места со своими мальчиками. Когда я это читала, у меня прилила кровь к щекам и заколотилось сердце.

Единственные хоть сколько-нибудь понятные письма были те, где девочки жаловались на родителей. Матери не разрешали им делать пирсинг или носить туфли на высокой платформе. Отцы ворчали из-за плохих отметок и приходили в ярость, если дочь заявлялась домой после полуночи.

– Попробовали бы они пожить с моими родителями, – пробормотала я, листая журналы при свете фонарика под одеялом.

– Что? – сонно спросила Грейс, приподнимаясь на локте. – Ты еще не спишь? Что ты делаешь?

– Книжку читаю. Спи.

Но у Грейс уши как у рыси. Она услышала шорох страниц.

– Это не книжка, это журнал! Покажи! – Она потянулась со своей кровати и, ойкнув, шлепнулась на пол.

– Тише ты!

– Ой! Я разбила локоть... и коленку! – всхлипывала Грейс.

– Ш-ш-ш!

– Больно! – Не переставая всхлипывать, она залезла на мою кровать. – Пру, ну пожалуйста, покажи!

– А маме ты не скажешь?

На Грейс иногда находят страшные угрызения совести. Она начинает мучиться и волноваться из-за каких-нибудь своих ерундовых проступков – и вдруг вываливает все это маме, когда приходит к ней поласкаться. Грейс вообще-то давно уже слишком большая, чтобы ласкаться с мамой, но по-прежнему жить без этого не может. Она как большая балованная собака, которая все время просит, чтобы ее погладили.

Предупреждать ее, что не надо говорить папе, мне и в голову не пришло. На это даже у Грейс ума хватит.

– Хочешь, побожусь? – предложила она и зашептала самые плохие слова, какие знала, ругаясь как извозчик.

Мы воспитывались, как принцессы в тереме, но все же не могли не слышать, как ругаются на улице мальчишки и орут друг на друга шоферы. Как ни странно, отец тоже ругается, когда на него находит приступ бешенства. Плохие слова сыплются у него градом. Если бы мама или мы с Грейс сказали

хоть одно такое словечко, он бы нас убил.

Я показала Грейс журналы. Она листала их благоговейно, как дорогие фолианты, бережно переворачивая и разглаживая страницы. Дойдя до страницы с проблемами, она фыркнула и захихикала, потрясенная.

– Ш-ш-ш!

– О чем эта девчонка говорит? Что это значит?

– О господи, Грейс, в жизни всякое случается, – сказала я с умным видом, хотя тоже не очень понимала, о чем там речь.

Я в свое время тайком заглянула в альбом эротических картинок Викторианской эпохи, который отец купил на книжном аукционе, наверное, по ошибке. Он лежал на самом дне коробки, под томами сестер Бронте. Картинки изображали странного пастора, преподобного Найтли, окруженного целой толпой развратных женщин. На отличного качества цветных гравюрах он выделял странные кульбиты. При этом надет на нем был собачий ошейник – и больше почти ничего. Картинки показались мне смешными, но не особенно волнующими. Ведь это были взрослые, к тому же выдуманные и полуторавековой давности. Зато девочки в журнале были настоящие.

– Вот бы у меня был мальчик! – сказала Грейс. – Пру, как ты думаешь, папа нам когда-нибудь разрешит гулять с мальчиками?

– Я не хочу гулять с мальчиками, – ответила я не совсем

искренно.

У меня уже много лет была выдуманная подруга, очень умная девочка с живым воображением по имени Джейн. Это началось, когда я прочла первые главы «Джейн Эйр». Она сошла со страниц и поселилась у меня в голове. Свою викторианскую жизнь с противными тетками и кузинами она оставила в книге и стала делить со мной *мою* жизнь с ненормальным отцом.

Джейн – лучше, чем настоящая сестра. С ней не скучно, как с Грейс с ее повадками трехлетнего ребенка. Мы с ней обсуждаем книги, внимательно разглядываем картины, вместе рисуем и ведем бесконечные разговоры обо всем на свете. Иногда это получается у нас недостаточно тихо. Губы у меня шевелятся, и я, сама не замечая, говорю что-то вслух. Грейс знает, что я во что-то играю в голове, и обижается.

– Ты опять! – пихает она меня, когда я начинаю бормотать. – Ну расскажи мне, Пру! Я тоже хочу послушать.

– Придумай свою игру, – отвечаю я, хотя это нечестно, потому что она так не умеет.

Недавно я начала другую, еще более тайную игру. Отец повез нас на образовательную экскурсию в Лондонскую национальную галерею. Он прихватил с собой старый путеводитель и приготовился завалить нас информацией, но оказалось, что залы в галерее давно расположены по-новому. Отец никак не мог найти в своем путеводителе нужный текст и все больше злился.

Грейс тащи́лась по залам, волоча ноги, склонив голову и почти не глядя на картины. Когда отец требовал ответа, она послушно бормотала что-то, но больше ни слова не произнесла.

Я тоже больше молчала, паря по волшебному миру религиозной живописи Возрождения с его голубым, розовым и золотым сиянием. Мне казалось, что у меня выросла собственная пара ангельских крыльев. Я всегда рисовала крылья просто белыми, а тут оказалось, что они могут быть всех оттенков – от бледно-жемчужного, темно-розового и фиолетового до глубокой полуночной синевы. У некоторых ангелов крылья были в цвет одежды, как тщательно подобранные украшения. Другие поражали необычными, контрастными сочетаниями цветов, например красно-черные с золотом крылья при белом одеянии. Один особенно нарядный ангел шел по песчаной тропинке с золотоволосым мальчиком примерно моих лет, державшим в руке рыбу.

Когда мы были маленькие, отец каждый день читал нам вслух из огромной викторианской Библии. Он был очень набожен, пока не поссорился с нашим приходским священником. Тот очень мягко заметил отцу, что домашнее воспитание – это, конечно, хорошо, но нам с Грейс нужно общаться со сверстниками и найти друзей. Отец пришел в ярость, и отныне у него не было времени для священника вместе с его церковью и со всей христианской верой.

Библию он выставил в магазине на продажу. Мне было

жаль, когда ее купили, – я очень любила рассматривать чудесные иллюстрации Доре. Поэтому я помнила уйму библейских историй и знала, что мальчик с рыбой – это Товия. Он был одет в красочный средневековый наряд с ярко-красными чулками. Я попыталась представить современного мальчика, идущего по улице в ярко-красных рейтузах. Правда, джинсы у некоторых мальчишек были почти такие же обтягивающие. Товия на картине с готовностью переоделся в голубые джинсы и футболку и улыбнулся мне.

В этот день я пришла домой вместе с ним – моим новым воображаемым другом. Он совсем оттеснил бедняжку Джейн. Мы с Товией вместе читали, рисовали, гуляли и шептались. Он говорил мне в самое ухо, легонько касаясь щекой моей щеки.

Теперь я воображала, что он целует и обнимает меня, как это делали мальчики с девочками в журналах. Но тут мне представились настоящие мальчишки с их вонючими ртами и неуклюжими руками – и меня передернуло.

– Мне не нравятся мальчишки.

– Зато ты им нравишься, Пру, – ответила Грейс. Она вздохнула. – Это нечестно. Я тоже хочу быть хорошенькой, как ты, чтобы мальчишки крутились вокруг и тарасились на меня.

– Я думаю, они тарасятся на меня, потому что у меня такой дикий вид.

Мама шьет нам одежду из того, что остается в ларьке по-

сле понедельничной распродажи. Мне четырнадцать лет, но я до сих пор ношу, как маленькая, чопорные платьица с короткими рукавчиками и пышной юбкой. У меня есть одно такое в белую и красную клетку, другое – младенчески-голубого цвета с белыми цветочками и третье – канареечно-желтое в белую полоску. Одно страшнее другого.

Когда мы были маленькие, мама сооружала к ним еще чудовищные панталончики в цвет, на ненадежной резинке. Мешковатые белые трусы из супермаркета, в которых мы ходим теперь, ненамного лучше. Зато теперь у меня есть *нормальное* белье. На деньги, которые мне давали на уроки математики, я купила чудесный черный лифчик с розовым кружевом и маленькой розочкой и две пары таких же трусиков – полупрозрачных лоскутков, казавшихся раз в пять меньше моих страшных штанов из супермаркета.

Я заперлась в ванной и примерила свои обновки, балансируя на краю ванны, чтобы увидеть себя в узком зеркале над раковиной. Выглядели они просто восхитительно – я выглядела в них восхитительно.

Я так и не рискнула надеть их под свои страхолюдные платья, потому что Грейс запросто могла проболтаться. И потом, мне пришлось бы их где-то тайком стирать – не могла же я просто положить их в корзину с грязным бельем.

– А разве у нас дикий вид? – с беспокойством спросила Грейс.

– Ну конечно. Ты только посмотри, что на нас надето!

Грейс задумалась.

– А мне мои платья нравятся, – сказала она. – Особенно розовое с маленькими пандами. По-моему, оно просто чудесное. Ты бы хотела платье с таким рисунком, Пру?

– Нет! Я терпеть не могу всех этих панд, мишек и зайчиков. Мне четырнадцать лет, господи ты боже мой!

– Так ты думаешь, я тоже слишком большая для платья с пандами? – В голосе Грейс была тревога.

Ответ был очевиден, но мне не хотелось ее огорчать.

– По-моему, на тебе твое розовое платье с пандами отлично смотрится, – соврала я благородно.

– Правда, оно мне уже маловато, – вздохнула Грейс. – Мне все мои платья уже узки. Жалко, что я стала такая толстуха.

– Это просто возраст у тебя такой. Детская пухлость.

– Но ты-то не была пухлой. – Она снова вздохнула. – Отец все время меня ругает, что я такая толстая. Он говорит, что мне надо поменьше есть. Что я обжора. Как ты думаешь, Пру, мне пора сесть на диету?

– Нет, конечно! Не обращай на него внимания. И вообще, сесть на диету *сейчас* у тебя не получится. Я тебе приготовила сюрприз.

Мне было очень стыдно тратить деньги за уроки на себя одну, хотя я понимала, что, если я что-нибудь куплю Грейс, она ни за что не сумеет хорошенько спрятать подарок. Единственное, что тут можно было сделать, – это купить ей что-нибудь съедобное, с чем она быстро справится.

– Сюрприз! – сказала Грейс, хлопая в ладоши.

– Ш-ш! Я хотела его пока припрятать. Думала, достану его, чтобы тебя утешить, когда папа устроит очередной скандал. Но вообще-то могу отдать и прямо сейчас.

Я вылезла из кровати и стала копаться на своей полке. Рука скользнула по гладкому атласу и кружеву моего нового белья. Я незаметно погладила его и продолжала рыться в темноте, пока не почувствовала под пальцами хрустящий целлофан.

– Ага, наконец-то! – Я скользнула обратно в кровать и сунула подарок прямо в ладошки Грейс.

– Что это? – спросила она, безуспешно вглядываясь в темноту.

Я включила фонарик.

– Ой! Вот это да!

Тихо ты! Хочешь, чтобы отец услышал? – пихнула я сестру.

– Извини. Ой, Пру, какая прелесть!

У нас в торговом центре есть такой специальный шоколадный магазинчик. Грейс всю жизнь по нему вздыхает, хотя ни разу даже не зашла внутрь. Мама покупает шоколад в палатке на рынке. Он всегда какой-то странной формы и к тому же просроченный, зато дешевый, а остальное маму не заботит.

Я собиралась купить Грейс фунт шикарных шоколадных конфет в красивой подарочной упаковке, но тут увидела в

витрине большого белого шоколадного зайца с оранжевой марципановой морковкой. Я поняла, что это то, что нужно.

– Как мне его назвать? Как в мультике, зайчик Питер? А еще был кролик Бенджамин...

– Почему бы тебе не придумать имя самой, Грейс?

– Ты же знаешь, что я не умею. Придумай *ты* для него красивое имя.

– Зачем? Ты же его съешь за две секунды. Я тебя знаю, к полуночи от него и лапки не останется.

– Я не буду его есть. Он слишком красивый! Я его сохраню навсегда!

При этом пухлые пальчики Грейс уже развязывали ленточку и срывали с зайца целлофан. Она в восторге понюхала сливочные ушки.

– Ой, как чудесно пахнет!

– Ну так ешь его, дурочка! Он же для этого и сделан!

– Не могу! А может, мне съесть морковку? Не хочу его портить. А может, я лизну ушко, чтобы узнать, какой он на вкус?

– Давай-давай!

Грейс высунула язык и лизнула. Потом еще раз и еще, и еще. А потом к языку сами собой присоединились зубы, и шоколадный зайка в минуту остался без ушей.

– О-о! – блаженно вздохнула Грейс.

Потом она включила фонарик – и увидела, что наделала.

– О-о! – простонала она уже другим тоном.

– Да все нормально, ты просто доедай его скорее. Он же для этого.

– Я его испортила! Ну почему я такая обжора? Смотри, какая у него теперь страшная дырка в голове!

– С зайцем все в порядке.

– Ничего не в порядке! Хочу, чтобы он снова стал целым! – Похоже было, что Грейс сейчас разревется.

– Ну что ж, уши его у тебя в животе. Если ты быстренько отправишь туда и все остальное, может, оно и склеится обратно, как пластилин. Тогда заяц окажется весь целиком у тебя в животике, это будет его личная нора.

Грейс неуверенно хихикнула и взялась за шоколадную голову. Мне она предложила переднюю лапу, решив, что с тремя лапами заяц в своей личной норе обойдется. Но я так живо представила его, что мне тоже стало немного не по себе. Как будто мы вздумали съесть настоящего домашнего зайку.

– Доедай уж своего зайца сама, Грейси, – сказала я.

– До чего же вкусный! – произнесла она невнятно с набитым ртом. – А когда ты его купила? – Она замерла. До нее вдруг дошло. – *Где ты взяла деньги?*

– Эй, потише!

– Я шепотом!

Тут мы услышали, как открылась дверь родительской спальни. Мы затаили дыхание. Я выключила фонарик, а Грейс перелезла в свою кровать. Раздались шаги – шарканье и хлопанье старых шлепанцев.

– Все в порядке, это мама, – прошептала я.

Мы слышали, как она прошла по коридору мимо нашей спальни и спустилась по лестнице на первый этаж, над магазином. Ступеньки скрипели при каждом ее шаге. Мама у нас увесистая женщина.

Мы услышали, как она прошла на кухню и открыла дверь холодильника.

– Она, видно, тоже решила устроить себе ночной пир, – пробормотала я.

– Все равно не такой, как у меня! – шепнула Грейс, откусывая еще кусочек.

Мама поднялась обратно, теперь уже медленнее, тяжело дыша.

– Может, мне оставить кусочек для мамы? – спросила Грейс.

– Нет!

– Она обожает шоколад.

– Ш-ш-ш!

– Я бы ей утром отдала, – настаивала Грейс.

– Тихо ты, а то она услышит!

Поздно. Шаги остановились у нашей двери.

– Девочки, вы что, не спите?

– Спим! – откликнулась идиотка Грейс.

Мама открыла дверь и вошла в комнату.

– Вам уже сто лет пора спать. – Она подошла к кровати Грейс и склонилась над ней. – С тобой все в порядке, детка?

– Да, мама, – ответила Грейс.

– А с тобой, Пруденс?

– Все отлично, – пробормотала я, зевая, чтобы притвориться сонной.

– Мам, ты что, проголодалась? – спросила Грейс. – Мы слышали, как ты ходила на кухню.

– Я несю папе стакан молока. Он что-то неважно себя чувствует. У него опять это странное головокружение. – Голос у мамы был очень встревоженный.

– Сходил бы он к врачу, – сказала я.

– Ну, ты же знаешь папу, – ответила мама. – Пруденс, поговорила бы ты с ним, а? Когда он будет в хорошем настроении. Тебя он, может быть, и послушается.

Я скорчила гримасу в темноте. Ненавижу быть папиной любимицей. Тем более что толку от этого никакого. Если он чего-то не хочет, я его не уговорю. Его никто не уговорит.

– Ладно, попробую сказать ему про врача, – пообещала я, – но не думаю, что это подействует.

– Спасибо, детка, откликнулась мама. – Ну ладно, спокойной ночи.

Она поцеловала Грейс, неловко потрепала меня по плечу и вышла из комнаты, осторожно придерживая стакан, чтобы не расплескать молоко.

– Какая ты дура, Грейс! – прошипела я.

– Прости! – Она откусила еще кусок шоколадного зайца. – До чего же вкусно!

Она уснула с набитым ртом и сладко засопела.
А я еще долго не засыпала, разговаривая с Товией.

2

Я проснулась рано и еще раз пробежала глазами журналы, прежде чем разгладить их и спрятать под матрас. Потом я вытащила из постели хрустящую целлофановую обертку от зайца и спрятала ее тоже. Бросать ее в мусорное ведро было слишком опасно. Когда на отца накатит, он может и весь мусор перетрясти – обычно чтобы обругать маму за лишние покупки.

Я умылась и надела платье в красно-белую клетку. Косу я заплела красной тесемкой, на которую нацепила три ярко-алые бусины. Сюда бы подошла красная помада, но отец не разрешает нам пользоваться косметикой. Утро было прохладное, поэтому я надела еще красную кофту – странное изделие домашней вязки с капюшоном, как у гнома.

Грейс еще всюю спала, губы у нее были измазаны белым шоколадом. Будем надеяться, что она хорошенько умоется, прежде чем идти на кухню завтракать.

Из спальни родителей раздавалось похрапывание, и я понадеялась, что кухня пока в моем распоряжении. Я сделала себе чашку чая и устроилась за кухонным столом с альбомом и новой коробкой акварели, пытаюсь воспроизвести по памяти картину с Товией и ангелом.

Задняя дверь вдруг открылась, так что я подскочила. Кисточка с красной краской скользнула по бумаге, так что у

бедного Товии оказалось огромное мускулистое бедро.

– Доброе утро, Красная Шапочка, – сказал отец, дергая меня за красный шерстяной капюшон.

Я постаралась изобразить пай-девочку.

– Привет, папа! – Я улыбнулась, промакивая рисунок бумажным платком.

Я в ужасе ждала, что отец заметит новые краски, купленные на украденные деньги за уроки математики.

– Что, испортила картинку? – Отец включил чайник, чтобы заварить и себе чаю.

– Ты вошел так неожиданно. Я думала, ты еще спишь. – Я поскорее закрыла коробку с красками, чтобы он не заметил, какие они новые.

– Я выходил в сад подышать, – Отец продемонстрировал глубокий вдох и выдох. – Прочистить легкие.

Он развел руками и хлопнул себя по груди в знак того, что прекрасно себя чувствует. На самом деле выглядел он ужасно – весь бледный, осунувшийся, а лицо такое напряженное, что видно было, как бьются жилки на веке и на виске. На нем была старая безрукавка, когда-то зеленая, а теперь странного болотного цвета. Рукава рубашки были закатаны с обычной отцовской тщательностью. Из-под них выглядывали голые руки, до того худые, что набрякшие вены, казалось, вот-вот прорвут кожу.

– Ты себя хорошо чувствуешь, папа?

– Ну конечно! – Он возмущенно посмотрел на меня. – Да-

же разругался!

Никакого румянца на его серой коже не было и в помине.

– А что это у тебя за странные головокружения? – Я решила воспользоваться случаем.

Это была ошибка.

– Что это тебе мать наговорила? Я совершенно здоров! Подумаешь, голова на минуту закружилась, так она уже подняла панику. – Отец подозрительно прищурился. – Она небось и тебя вербовала для своей кампании «отведем-его-к-врачу»?

– Что? – Я изобразила недоумение и попыталась сменить тему: – Что тебе сделать на завтрак, папа? Гренки? Яйцо сварить?

– Нет уж, *ты* его лучше не вари, Пруденс. Оно у тебя будет или совсем жидкое, или твердое, как камень. – Папа сам поставил кастрюльку с яйцом на плиту. – Ты бы училась у матери.

Отец был убежденным холостяком, пока мама не проложила путь к его сердцу своими йоркширскими пудингами и тортами на патоке. Я знаю, что она отлично готовит, но ненавижу всю эту традиционную британскую домашнюю кухню с пирожками, ватрушками, соусами и кремами из подручных продуктов. Мне куда больше по вкусу полуфабрикаты и готовая еда из ресторанов.

Мы с Грейс знаем наизусть меню китайского кафе «Кам-Тонг» и «Руби-карри-хауза» в нашем торговом центре, но

нам ни разу не позволили там пообедать. Нам даже ни разу не удалось попробовать что-нибудь из «Пиццы навынос» на углу, хотя мы с Грейс часами просиживали над брошенными в почтовый ящик рекламными буклетами, выбирая идеальное сочетание начинок. Единственная готовая еда, которая допускалась у нас в доме, – это рыба с картошкой из ларька раз в месяц, и то в прошлый раз нам ее не досталось, потому что отец заявил, будто печеночный приступ у него был «от этой жирной гадости».

Я смотрела, как отец возится с кастрюлькой. В каждой руке у него было по яйцу.

– Ты будешь яйцо, Пру?

– Нет, папа, спасибо.

– Тебе надо набираться белка. Ты слишком мало ешь, в отличие от твоей толстухи-сетрицы.

– Папа, не называй Грейс толстухой, она очень обижается.

– Не учи меня, как мне разговаривать с собственной дочерью, мисс. – Отец слегка шлепнул меня, а потом потрепал по плечу, чтобы показать, что он шутит. Он нагнулся над моей картинкой. – Неплохо, дочка.

«Неплохо» – это у отца высшая похвала. Я невольно просияла.

– Тебе, видимо, понравилось в Национальной галерее, – гордо сказал отец.

– Там было чудесно! Папа, ты правда думаешь, что я хорошо рисую?

– Ты сама знаешь, что хорошо. Вообще-то я надеюсь на твою помощь, когда ты немного подрастешь. Ты могла бы нарисовать суперобложку для моего *magnumopus*.

С самого рождения я знала, что папа пишет так называемую книгу. По всей квартире валялись отдельные листы, неоконченные главы, напечатанные на старой пишущей машинке и покрытые густой сетью исправлений. Я несколько раз пыталась прочесть то один, то другой кусок, но ничего не могла понять. Похоже, это была всемирная история, в которой основное внимание уделялось нашему городку Кингтауну и тем изменениям к худшему, которые произошли в нем за последние тридцать лет.

Мама благоговейно собирает разбросанные страницы, как будто это скрижали с десятью заповедями, дарованные Богом. Она тоже называет их *magnumopus* – без тени иронии. Когда Грейс была помладше, она думала, что папа пишет о мороженом «Магнум» и очень интересовалась этим сочинением, пока я ей не объяснила, что *magnumopus* значит по-латыни «великое произведение». Сейчас мы с ней шутим, что отец пишет энциклопедию мороженого, и сочиняем новые главы, охватывающие самые экзотические варианты.

Я решила, что расскажу Грейс о папиных планах и нарисую обложку, которая ее повеселит. Отец будет изображен посреди нашего магазина с порцией «Магнума» в одной руке и вафельным рожком – в другой, а по сторонам от него – мы с Грейс с подносами, на которых громоздится мороженое

всевозможных сортов.

Отец неправильно истолковал мою улыбку.

– Я не шучу, Пруденс, – сказал он. – Я думаю, настанет день, когда это действительно будет тебе по силам.

Я набрала в грудь побольше воздуха. Нельзя упускать такой случай!

– Мне, может быть, надо немного подучиться, – сказала я самым небрежным тоном.

Отец высоко поднял брови и вздохнул:

– Ни в какой дурацкий художественный институт ты не пойдешь. Сколько раз я должен повторить, чтобы до тебя дошло? Ну не смотри на меня с таким убитым видом! В свободное время можешь рисовать сколько угодно. Тем более сейчас в художественных институтах и живописи-то не учат. Они там носятся с какими-то цементными блоками и чучелами животных и выдают всю эту фигню за творчество.

Возражать не стоило. Я сосредоточенно разглядывала свою картинку с Товией и ангелом. Они сочувственно улыбались мне розовыми акварельными губами.

– Если тебе так уж хочется получить высшее образование, то поступай лучше в нормальный университет. Мы утрем нос этому наглому идиоту из департамента образования. Ты с блеском сдашь все экзамены! Как у тебя там дела с математикой?

Я опустила глаза:

– Нормально, папа.

– Ты вроде жаловалась, что ни слова не понимаешь из того, что говорит учительница? – В голосе отца звучало подозрение.

– А ты говорил, что мне стоит только постараться. Я и постаралась. Папа, яйца у тебя уже точно сварились. Давай я заварю чаю.

Я принялась греметь посудой и вздохнула с облегчением, когда по лестнице, тяжело ступая, спустилась мама в розовом махровом халате. Халат этот она носит, сколько я себя помню. Вообще-то ей не стоило его покупать с самого начала – она похожа в нем на гигантскую сахарную вату.

– Ах вы, птички мои ранние, – сказала она бодро. – Готовишь завтрак, Пру? Умница ты моя. Яйца в мешочек? М-м-м, как вкусно.

– Нет, она тут ни при чем – я сам варю себе эти чертовы яйца. Они уже, между прочим, готовы, но ты небось хочешь их у меня отобрать. Придется варить новые, – недовольно сказал отец.

– Ну что ты, дорогой, – пролепетала мама. – Я сама себе сварю.

Они принялись препираться о яйцах, а я тем временем убрала свой альбом и приготовила чай и гренки на четверых, радуясь, что меня больше не допрашивают об уроках математики.

Радоваться было рано. Четверть часа спустя мы все еще сидели за столом – мама суежилась, папа раздражался, полу-

сонная Грейс в пижаме с мишками уминала свои корнфлекссы, – когда раздался шорох опускаемой в ящик почты.

– Мало мне было этих поганых счетов, – проворчал отец, – вон еще принесли. Сбегай-ка за ними, Пруденс.

Я сбегала и принесла почту. Мне даже в голову не пришло рассмотреть по дороге небольшую пачку писем. Я заметила, что один конверт надписан от руки, но не задумалась, от кого бы он мог быть.

В свое время я написала для отца отличное сочинение о роли писем в романах Викторианской эпохи, и все же у меня хватило идиотизма протянуть отцу не глядя всю пачку. Отец перебирал конверты, вскрывая их ножом для яиц и вытряхивая счета прямо в мусорное ведро.

– Бернارد, но ведь нельзя же просто не обращать на них внимания! – встревоженно сказала мама.

– Можно, – ответил отец.

– Но нам же придется их когда-нибудь оплатить...

– Уж не знаю, чем мы их будем оплачивать. – Отец махнул в ее сторону еще одним листком бумаги. – Это из банка. «Превышение кредита... недопустимо... тра-та-та». Наглый выскочка! Он будет мне объяснять, как у меня обстоят дела с финансами! Его не спросили!

Письмо полетело в мусорное ведро. Мама вздрогнула, следя за ним глазами и готовясь выудить обратно, как только папа выйдет из комнаты.

Следующее письмо папа тоже отправил в корзину, едва

взглянув на него.

– Что это было, дорогой? – с тревогой спросила мама.

– Опять этот наглый проходимей Майлз из департамента образования. Он все волнуется, как Пруденс будет сдавать экзамены на аттестат. Требуется подробный отчет, фамилии репетиторов, расписание занятий! Господи ты боже мой!

– Ну что же тут такого, дорогой? Пру ведь уже начала заниматься с мисс Робертс. А потом мы, может быть, сумеем найти ей репетитора по физике. По-моему, лучше бы ты написал ему об этом. Просто на случай, если он вздумает устроить нам неприятности.

– Пусть только попробует! А это еще что?

Отец вскрыл белый конверт, вытряхнул оттуда письмо и начал читать. Вдруг стало очень тихо.

– Пруденс? – Голос у него был спокойный.

У меня бешено заколотилось сердце под клетчатым платицем.

– Да?

– Это письмо от мисс Робертс, – торжественно произнес отец.

Я сглотнула. Грейс притиснулась ко мне поближе.

– Ах ты господи, – вздохнула мама. – Ей кажется, что Пру совсем не продвигается?

– Да, ей, безусловно, так кажется. – Отец нарочно тянул. Он напрягся всем телом, словно готовясь к прыжку.

– Не надо так на нее сердиться, Бернард, – сказала мама. –

Девочка не виновата, что ей не дается математика. Я уверена, что она старается изо всех сил.

– Да уж, она старается изо всех сил, ничего не скажешь. – Голос отца поднялся до крика. Его бледное лицо побагровело. – Старается изо всех сил вытянуть из меня деньги!

Он брызгал слюной, выкрикивая это. Потом качнулся и ухватился за стол.

– Пожалуйста, не волнуйся так, – умоляюще сказала мама. – У тебя опять голова закружилась?

– Да, закружилась! Неудивительно, черт побери, – процедил отец сквозь зубы. Он наклонился ко мне через стол. – Да как ты посмела?

Он так стукнул кулаком по старой, исцарапанной столешнице, что все тарелки, ложки и ножи подпрыгнули со звоном.

Грейс взяла меня за руку под столом.

– Что она сделала, Бернارد? – спросила мама. – Мисс Робертс жалуется на нее? Может быть, она просто слишком строга к нашей Пру.

– Мисс Робертс не то чтобы жалуется на нее. Она просто немного удивлена. Вот уже три недели Пруденс у нее не появлялась.

– Что? – спросила мама. – Как? Почему? Ты что, заблудилась, Пру? Почему ты у нее не была?

– А? – выкрикнул отец, перегибаясь ко мне через стол.

– Один раз я у нее была и не поняла ни слова. Я подумала, что раз так, мне незачем к ней ходить, – пролепетала я.

– Ушам своим не верю! – бушевал отец. – Почему же ты мне ничего не сказала после этого своего неудачного похода?

– Не захотела! – бросила я ему прямо в лицо.

– Не захотела. Хотя знала, что этот мистер Майлз затевает против нас процесс и того гляди отправит нас с мамой за решетку за то, что мы не дали тебе нормального образования?

– Он не отправит нас в тюрьму! Правда ведь? – слабым голосом спросила мама.

– Конечно, никто не собирается сажать тебя в тюрьму, мама.

– Ах ты, мисс Всезнайка! Ты у нас больше всех знаешь, больно умная выросла! Математика тебе понадобится, даже если ты вздумаешь маяться дурью в художественном институте, не забывай. Ты решила, что можешь прогуливать, своевольничать, нагло лгать родному отцу, разбазаривать чужое время и деньги...

Он вдруг замолк на полуслове, еще шевеля губами по инерции.

– Бернард! Ну пожалуйста, успокойся! Тебе нельзя так волноваться. Ты заболеешь! – Мама взяла его за руку.

Он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, и уставился на меня. Лицо у него было по-прежнему багровым. Даже глаза налились кровью от ярости.

– Где мои деньги? – крикнул он. – Где мои восемьдесят фунтов?

– Шестьдесят. За первый раз я заплатила.

– Не смей со мной пререкайся. Восемьдесят, шестьдесят – не важно. Где они? Давай их сюда немедленно, слышишь?

– Не могу.

Отец стал задыхаться. Похоже было, что голова у него сейчас лопнет, и глаза, зубы и язык разлетятся по столу.

– Я сказал: давай их сюда немедленно!

– Не могу, папа. Я их потратила.

Отец покачнулся.

– Ты потратила восемьдесят фунтов моих денег?! – выдохнул он.

– Шестьдесят, папа. Да, потратила. Извини, – тихо сказала я.

– На что ты их потратила, Пруденс? – пролепетала мама.

Я сглотнула, не находя слов.

– Она их потратила на меня. На шоколад. Целую кучу шоколада! – отчаянно затараторила Грейс.

– Я бы мог догадаться. Прожорливая маленькая кретинка! – брезгливо сказал отец, – Ты, значит, набивала свою ненасытную глотку на мои деньги, заработанные тяжелым трудом.

Я вдруг так разозлилась, что у меня прошел всякий страх перед отцом.

– Не говори так с Грейс, папа. Это ужасно и очень несправедливо. Вовсе я не потратила деньги на шоколад. Грейс просто хочет меня защитить. Я потратила их на другое.

– На что другое? – спросила мама, которая за всю жизнь

не потратила шестьдесят фунтов за раз.

– Сходила в «Макдоналдс». Купила пару журналов. Купила коробку очень хорошей акварели в магазине для художников...

– На это нельзя потратить восемьдесят фунтов! Верни мне то, что осталось!

– Шестьдесят, папа, *шестьдесят!* Я их все потратила. Я еще купила себе белья.

– Белья? – ахнул отец. – Не держи меня за идиота, Пруденс. Что ты купила на самом деле?

– Господи, ты ведь не наркоманка, правда? – спросила мама.

Я никогда в жизни не выкурила даже обычной сигареты, а из таблеток принимала только аспирин от простуды. Идея, что я могу якшаться с продавцами наркотиков, была до того смешна, что я невольно улыбнулась.

Отец взмахнул рукой. Я почувствовала на щеке удар такой силы, что чуть не завалилась на бок.

– Прекрати ухмыляться! А теперь говори, куда ты дела восемьдесят фунтов, врунья бессовестная!

Грейс заплакала. У меня от ярости не было слез.

– Шестьдесят фунтов, папа, – ты когда-нибудь слушаешь, что тебе говорят? Я тебе все сказала. Я купила набор акварели, обед в «Макдоналдсе», несколько журналов... и белье.

– Покажи! – велел отец.

– Перестань, Бернард! Ну как она может тебе показать? –

Мама с тревогой смотрела на меня и поглаживала мою горевшую щеку, как будто хотела стереть с нее пощечину.

– Я ему покажу, – сказала я. – Сейчас принесу.

– Пру, не надо! – рыдала Грейс. – Папа, она правда купила мне шоколад – чудного большого зайца. Честное слово, купила!

– Ш-ш, Грейс. Папа тебе все равно не поверит. Он считает, что мы вруны. Что ж, придется ему показать.

Я поднялась в спальню, открыла ящик, достала свой великолепный новый лифчик и трусики, взяла в каждую руку по предмету и, бегом спустившись обратно, бросила их на стол перед отцом.

Он отпрянул, как будто ему подсунули шипящую гадюку. Мы все уставились на розовый атласный лифчик, гордо выставивший пухлые чашечки, отороченные черным кружевом. Легкие трусики такого же цвета, не шире ленты для волос, изящно изогнулись буквой S.

Позади кухонного стола висело на сушилке белье всего семейства – серо-белое, мешковатое, с растянутыми резинками, почти неотличимое у всех четверых.

– Ах ты мерзкая маленькая потаскуха! – заорал отец. – Ты мне не дочь!

– Я не хочу быть твоей дочерью. Ты самый худший отец на свете! – крикнула я в ответ.

Он схватился за грудь, как будто я его ударила, и упал головой вперед, стукнувшись лицом об стол. Я сперва подума-

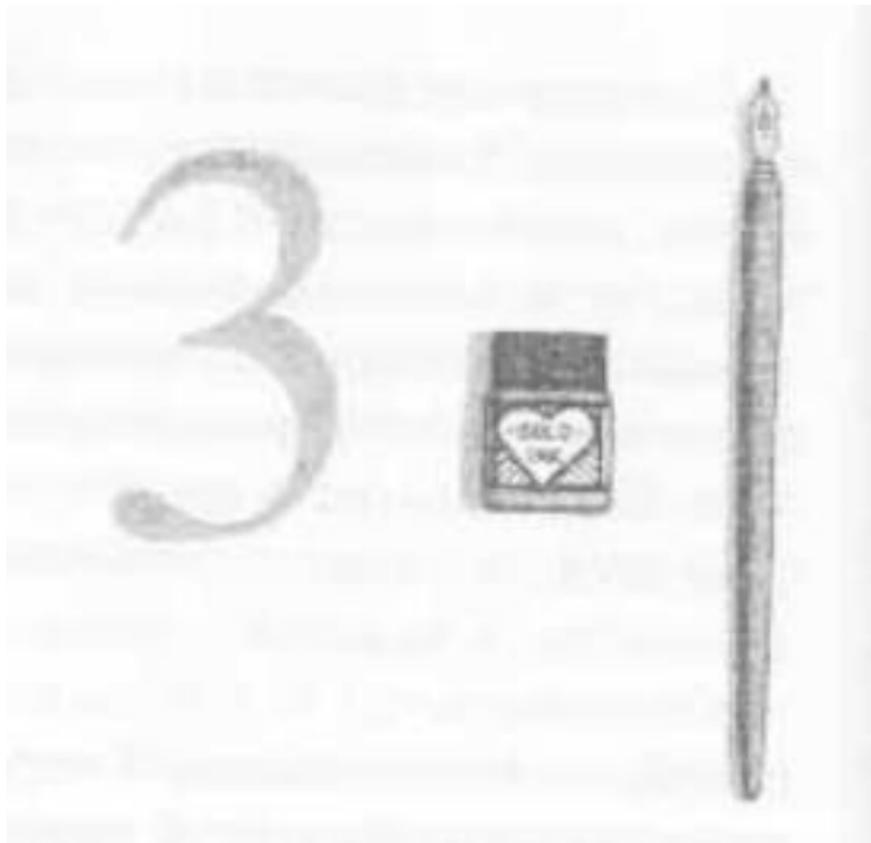
ла, что отец бьется головой от ярости, и ждала, пока он выпрямится.

Он не выпрямлялся.

– Бернارد! – прошептала мама.

– Папа! – позвала Грейс.

На кухне вдруг наступила гробовая тишина. Я уставилась на стол. Я убила родного отца!

3

Секунду все мы сидели неподвижно, глядя на отца. Грейс вскочила первой, к нашему общему удивлению.

– Надо похлопать его по грудной клетке и сделать «поцелуй жизни»! – Она побежала вокруг стола к отцу и, дрожа от страха, потянула его за плечи назад, возвращая в прямое положение. А потом храбро запрокинула ему голову, набрала побольше воздуха и стала дуть ему в рот.

Мы в жизни не целовали отца в губы.

Увидев, как отважно ведет себя моя младшая сестренка, я тоже вышла из оцепенения.

– Нужно вызвать «скорую». Я наберу девятьсот девяносто девять.

– Нет, что ты, папа ни за что не поедет в больницу, – заплакала мама, хотя отец был явно не в состоянии спорить.

Я все же набрала номер. На том конце провода меня спросили, какая служба мне требуется. Я сказала, что «скорая помощь», и назвала наш адрес.

– Вообще-то нужно было вызвать еще и полицию, – сказала я затем. – Чтобы меня арестовали.

– Не будь дурочкой! – выкрикнула мама и засуетилась вокруг стола. Ее рука скользнула по черному белью с розовым кружевом.

– Убери это, Пру, живенько!

Я сунула вещички в карман платья и встала за спиной у Грейс, наблюдая, как она возится с отцом.

– Ты слишком торопишься. А еще, по-моему, нужно зажать ему ноздри.

– Попробуй лучше ты, Пру, – сказала мама.

Я сменила Грейс, хотя это было ужасно – прижиматься лицом к лицу отца, чувствовать, как его усы царапают мне губы, а вставные зубы стучаются о мои. Я вынула его вставную челюсть, чувствуя, что совершаю насилие над собственным отцом.

Потом стала пытаться мама, хотя ей это, похоже, было так же неприятно, как мне. Она все время останавливалась и боязливо взглядывала на отца, как будто опасалась, что он сейчас ударит ее за бесцеремонное обращение.

Щека у меня все еще горела от пощечины. Я принялась ходить туда-сюда по кухне, все время выглядывая в окно в ожидании «скорой помощи», как будто могла ускорить ее приезд усилием воли.

– Собери... отцу... пижаму, – попросила мама между выдохами.

– Я сейчас соберу его вещи, – торопливо сказала Грейс.

Странное занятие – укладывать пижаму, зубную щетку и фланелевые брюки для человека, который, возможно, уже мертв. Отец так и не пошевелился за все время, глаза его были полузакрыты. Мама неловко склонилась над ним и положила голову ему на грудь. Я сперва подумала, что она его

обнимает, но она слушала сердце.

– По-моему, бьется. Послушай ты. Пру. Это ведь у него сердце бьется, правда?

Я не могла разобрать, что стучит у меня в ушах – моя собственная кровь или папино сердце. Было очень противно вдыхать его гниловатый запах – затхлых книг, затхлых конфет, затхлой фуфайки. Рот у него скривился, как будто он беззвучно стонал. Он выглядел глубоким стариком.

– Папа! – позвала я и расплакалась. – Папа, я не хотела тебя сердить! Прости меня! Слышишь? Прости...

В дверь постучали. Вошла бригада «скорой помощи». Меня мягко отстранили от отца, и врач стал его осматривать.

– Он умер? – всхлипнула я.

– Нет-нет! Он без сознания, дружок, но живой. Его нужно как можно скорее доставить в больницу.

– Он терпеть не может больницы, – сказала мама.

– Ничего не поделаешь, дорогая. Мы не можем оставить его здесь в таком состоянии. Вы поедете с нами?

– Конечно, это мой муж.

– А девочки? Им бы лучше остаться дома.

Мама взглянула на нас и закусила губу.

– Хочешь, я поеду с тобой, мама? – спросила я.

Мама глубоко вздохнула, обхватив руками свою огромную грудь.

– Нет, оставайся, детка, и присматривай за Грейс. Я позвоню вам из больницы. Будьте умницами... и постарайтесь

не волноваться.

Санитары погрузили отца на носилки и понесли к машине. Мама тащилась следом с его вещами в сумке. Мы с Грейс спустились за ними по лестнице и прошли через магазин, словно какая-то экзотическая процессия. Через дверь было видно, как санитары погрузили носилки в машину и помогли маме подняться туда же.

Китайцы стояли на пороге своего ресторана, наблюдая за происходящим. Они сочувственно закивали нам.

– Ваш папа? – Женщина показала себе на сердце.

Когда «скорая» отъехала, они предложили нам зайти посидеть у них.

– Нет-нет, большое спасибо, нам ничего не нужно, – твердо сказала я.

Грейс пихнула меня в бок, когда мы вернулись к себе.

– А я хотела посмотреть, как там у них. И они бы нас, наверное, угостили чоу-мейн и чоп-суэй. Мне так хочется попробовать. – Тут она зажала рот рукой. – Это я не всерьез! Папа прав – я настоящая обжора. Какой ужас, Пру! Я не могу поверить, что это все на самом деле, а ты?

– Помнишь, когда мы были маленькие, и папа в наказание рано отправлял нас в постель, и мы сворачивались клубочком и воображали себя кем-нибудь другим?

– Да, мне больше всего нравилось, когда я была Кайли Попка, а ты – Дженет Айр. Я пела, ты рисовала, и мы жили в собственном пентхаусе, – вздохнула Грейс. – Ты всегда так

здорово выдумываешь.

– Может быть, в этом и нет ничего хорошего. Это отвлекает от настоящей жизни, и в конце концов начинаешь верить в собственные выдумки. Я вот купила лифчик и трусики, потому что вообразила себя такой, как девушки в журналах. А когда отец начал ругаться, я представила себя маленькой Джейн Эйр перед мистером Броклхерстом – и погляди, что я наделала.

– Он поправится, Пру. Врач же сказал, что он просто без сознания. Может, папа просто упал в обморок, потому что сильно на тебя разозлился.

– Не будь душой, Грейс. Он не просто упал в обморок.

– Как бы там ни было, ты в этом не виновата. Он не из-за тебя заболел.

– Из-за меня! Как я могла разговаривать с ним в таком тоне!

– Ты была молодцом! У меня бы ни за что не хватило храбрости. Но я раздражаю папу гораздо больше, чем ты, потому что я такая толстая и глупая. Конечно, он тебя любит больше, – сказала Грейс без тени обиды.

– Я думаю, тут папа не прав. Ты гораздо, гораздо лучше, чем я. У меня ты точно любимица, Грейси. – Я обняла сестру.

Мы долго сидели обнявшись, а потом отстранились друг от друга и с тревогой переглянулись. Тишина в кухне казалась гробовой, хотя старый холодильник громко гудел, а ча-

сы тикали. Мы уставились на минутную стрелку, не спеша переползавшую от цифры к цифре.

Мы редко оставались дома одни. Побывать вдвоем на свободе было нашей давней мечтой, но сейчас все портили страх и чувство вины.

– Как ты думаешь, когда мама вернется? – спросила Грейс. – Я понимаю, ты тоже не знаешь, но просто как ты думаешь, вернется она к обеду? А что нам делать с магазином? Будем открывать?

– Зачем? Можно подумать, у нас полно покупателей.

Я подошла к мусорному ведру и выудила все счета.

– Смотри, «последний срок уплаты», опять «последний срок уплаты». А тут – мамочки, ты только посмотри – отца грозят привлечь к суду. Я думаю, ему все равно придется закрыть магазин, даже если он поправится.

– А что он будет делать? Печатать свой Магнум-как-его-там?

– Да что ты, Грейс, он его никогда не закончит.

Я представила, как папа всего час назад восхищался моей картинкой с Товией и ангелом и мечтал, что я буду иллюстрировать его драгоценное произведение, и разрыдалась.

– Пру, не надо, пожалуйста! Папа поправится, вот увидишь! – Грейс прижалась ко мне.

– Я так подло с ним поступила! Я так его унизила! И потом, раз у нас сейчас такие долги, это ужасно, что я растратила деньги за уроки. Неудивительно, что папа разозлился.

И каково ему было, когда я швырнула ему лифчик и трусики прямо в лицо? – Я вытащила их из кармана и стала рвать, но они не поддавались. Я бросилась к буфету за ножницами.

– Не надо! Стой! Если они тебе не нужны, я их возьму! – быстро сказала Грейс.

Я уставилась на нее.

– Я знаю, что я в них не влезу. Но я могу их просто держать у себя как... как тайное украшение. Они до того красивые! Где ты их взяла?

– «Мэллард и Тернерс», отдел нижнего белья.

– Ты ходила туда сама? Везет же тебе!

Мы снова переглянулись. Никто не мешал нам сейчас выйти из дому и обойти все запретные магазины, но, конечно, мы не могли так поступить.

– Мы не можем идти развлекаться, когда папе так плохо или даже...

– Я понимаю, – вздохнула Грейс. – А что мы будем делать?

– Давай заниматься, как в обычный день. Чтобы папа был доволен.

Мы убрали со стола посуду и достали учебники, тетради и ручки. Грейс пыталась ответить на вопросы к тексту. Я читала детскую книжку по-французски.

При этом мы все время вздыхали, глядели в потолок и никак не могли сосредоточиться. Я сделала себе чашку кофе в надежде, что это поможет. Грейс я выдала пакет хлопьев и сахарницу, и она хрустела и чавкала в промежутках между

фразами.

Через час я отшвырнула французскую книжку и решила закончить картинку с ангелом. Мне хотелось поговорить про себя с Товией, но Грейс все время перебивала.

– Можно мне тоже краски? – спросила она. – Я хочу нарисовать папе открытку «Поправляйся!».

Я подумала, что для открытки «Поправляйся!» может быть уже поздно, но сказать это вслух не решилась. Вообще-то я терпеть не могу давать Грейс свои краски. Она набирает на кисточку слишком много воды, и аккуратные кружки мгновенно превращаются в какие-то грязные болота. Но сегодня мне не хотелось ей ни в чем отказывать.

Она возилась долго, приспособив внутреннюю сторону пакета от корнфлексов, чтобы открытка была твердая и ее можно было поставить. Грейс старательно изобразила наш магазин, раскрасив каждую книжку отдельно красной, зеленой, коричневой или голубой краской, хотя они все сливаются в единую длинную полосу неопределенного цвета. Потом она нарисовала папу, худого человечка с мрачным лицом, и маму, большую толстую женщину с черными точками вместо глаз и такими же точками по всему платью. Похоже было, что и мама, и ее платье проливают обильные слезы. В углу она нарисовала меня с книжкой и такими пышными волосами, что лицо было закрыто черным облаком. Себя она изобразила в любимом розовом платье с пандами, похожей на большую клубничную меренгу.

– Закончила? Здорово получилось! – сказала я.

– Совсем не здорово! Я не умею рисовать. В голове у меня все выходит очень красиво, но на бумаге получается что-то не то. – Грейс вздохнула и обеспокоенно посмотрела на свою открытку – Папа вышел слишком маленьким.

– Он и правда маленький. Он ростом меньше мамы.

– Он здесь выглядит как тростинка, как будто сейчас переломится, – заныла Грейс.

Пру, помоги мне сделать его побольше.

– Да он и так нормальный, – сказала я, но все же оторвалась от золотого нимба своего ангела и помогла Грейс удлинить папины руки и ноги.

– Все равно он не такой, – пожаловалась она. – Теперь он похож на этих насекомых, знаешь, таких долгоногих...

– Долгоногий папа, – передразнила я.

Мы рассмеялись, хотя это было нисколько не смешно. По Грейс было похоже, что она сейчас снова расплачется.

– Хорошо бы мама уже пришла, – сказала она. – Сейчас уже время обеда?

Времени было всего одиннадцать часов, но я сделала ей в утешение французский сэндвич. В половине первого мы съели еще по одному, прикончили остававшееся в буфете овсяное печенье, а в три часа доели перезрелый банан.

Мама вернулась только в пять. Глаза у нее были красные, в кулаке зажат скомканный мокрый платок.

– Он умер! – прошептала я и расплакалась. Грейс тоже.

– Нет-нет, он не умер! Успокойтесь, девочки. Простите меня – я была в таком состоянии, что не догадалась захватить мелочь, чтобы позвонить из автомата. Не думала, что все будет так долго. Это был кошмар, просто кошмар. Папа так на меня рассердится, когда поймет, что его отвезли в больницу. Может быть, он уже понимает. Трудно сказать.

Мама тоже заплакала.

– Мама, он что, все еще без сознания?

– Глаза у него открыты, и, возможно, он понимает, что происходит вокруг. Но говорить не может, понимаете?

– Как это? Он что, повредил горло?

– Нет, не горло. У вашего папы, девочки, был удар. Он потерял речь, а еще у него отнялись рука и нога с одной стороны.

– Но он поправится, мама? – спросила Грейс.

– Не знаю, детка. Сейчас еще рано об этом говорить.

Я выбежала из комнаты и бросилась на кровать. Это было невыносимо. Я понимала, что все случилось по моей вине.

4

Удар – не самое подходящее слово для того, что случилось с отцом. Оно как будто бы означает что-то мгновенное и прицельное, в одну точку. А папа выглядел так, как будто его долго молотили по одной стороне. Голова у него болтается, рот кривится, а рука и нога висят, как сломанные.

Хотя мама нас предупредила, было очень страшно идти по insultному отделению к папиной палате. Человек, съевшийся в кровати, был похож на чучело Гая Фокса, а не на нашего папу.

Мы втроем застыли на пороге. Глаза у папы были закрыты, но он что-то пробормотал.

– Привет, папа, – прошептала я, заставляя себя подойти к кровати.

Глаза его так внезапно распахнулись, что я подскочила. Отец нахмурился. По подбородку у него стекала струйка. Он мучительно пытался утереть ее.

– Папа, давай вытру! – предложила я.

Он яростно замычал, показывая всем видом, что никакая помощь ему не нужна. Утерев подбородок, он продолжил борьбу, выставляя из-под одеяла здоровую ногу в надежде, что остальное тело за ней последует.

– Лежи спокойно, дорогой, постарайся расслабиться, – сказала мама.

На папином напряженном лице никакой готовности расслабиться не выразалось. Он продолжал свои попытки.

– Он хочет встать с постели и пойти домой, – сказала я.

Отец сердито посмотрел на меня и застонал. Его обидело, что я говорю о нем в третьем лице.

Я подошла поближе, хотя мне больше всего хотелось убежать, выскочить из палаты, удрать из отделения, оказаться подальше от больницы.

– Папа, тебе пока нельзя домой, ты еще недостаточно поправился, – пробормотала я.

Отец не желал ничего слышать. Он волновался все сильнее и, когда мама попыталась уложить его обратно под одеяло, ущипнул ее за руку. Щипок был слабый-слабый, но она расплакалась.

– Ну-ну, не надо слез, – сказала вошедшая медсестра, обнимая маму за талию. Она была почти такая же толстая, как мама, но на пышный, соблазнительный манер. У нее была гладкая загорелая кожа и роскошная коса. – У мистера Кинга дела обстоят отлично. Правда, дорогой?

Она кивнула отцу и сунула ему в рот термометр прежде, чем он успел сердито замычать. Отец возмущенно выплюнул его.

– Гадкий мальчик! – сказала медсестра со смехом. – Поиграть захотелось? Вы со мной лучше поосторожнее, дружок, а то я могу засунуть его вам в какое-нибудь другое место, если будете меня обижать!

Отец решил наконец примириться с градусником во рту.

– Ну вот, так-то лучше. – Медсестра кивнула маме. – Он у нас скоро приучится, правда?

Мама с трудом улыбнулась.

– Он ненавидит больницы, – сказала она.

– Кто ж их любит! – заметила сестра. – Я и сама бы с удовольствием сидела сейчас дома и смотрела сериал по телевизору.

Отец снова замычал, позвякивая термометром.

– Эй-эй, осторожнее, а то проглотите его, – сказала сестра. – Все, можно вынимать. Сейчас посмотрим, как у вас дела.

– Какая у него температура? – с тревогой спросила мама.

– Нормальная, милочка, нормальная. Молодцом, мистер Кинг! Давайте я вас немного приведу в порядок для ваших гостей.

Она расправила ему воротничок пижамы и пригладила его редкие волосы своими длинными загорелыми пальцами. Он отбивался, как мог, мыча что-то очень похожее на грубое ругательство.

Похоже, медсестре тоже так показалось.

– Ничего себе! При жене и дочерях! Вот помою вам рот мылом, если будете продолжать в таком духе, – шутливо сказала она, вскидывая брови и качая головой в мамину сторону.

Мама тоже покачала головой, не сводя тревожного взгля-

да с папы. Медсестра улыбнулась мне:

– Как тебя зовут, детка? Меня зовут сестра Луч. Такой солнечный лучик.

– Меня зовут Пруденс, – сказала я тихо, потому что ненавижу свое имя.

– А тебя, малышка? – Сестра Луч подошла к Грейс, испуганно жавшейся в углу.

– Грейс, – прошептала она.

Отец замычал, как будто его раздражал сам звук ее имени.

– Не расстраивайся так, дорогая. – Сестра Луч потрепала Грейс по подбородку. – Папа сердитый, потому что у него удар. Вот увидишь, он скоро снова станет таким, как прежде.

Грейс недоуменно уставилась на нее. Папа ничуть не изменился, несмотря на удар. Никаким другим мы сроду его не видели. Сердитым он был всегда.

– Пойди поздоровайся с папой, у него сразу поднимется настроение.

Сестра Луч подталкивала Грейс к кровати, пока та не оказалась в поле папиного зрения. Он посмотрел на нее и снова замычал.

– Здравствуй, папа! Я тебе сделала открытку «Поправляйся скорее!», – храбро сказала Грейс.

Папа даже не попытался на нее взглянуть.

– Ты держи ее у папы над головой, так ему легче будет смотреть, – посоветовала сестра Луч.

Грейс помахала открыткой у папы над головой. Он засто-

нал, вращая глазами, как будто над ним кружил коршун, и снова попытался спустить ногу с кровати. Опираясь на здоровую руку, он сумел приподнять туловище. На лбу у него от непомерного усилия выступили крупные капли пота.

– Бернارد, не надо, дорогой, ты ушибешься! – Мама бросилась к нему.

– Сожалею, мистер Кинг, но придется вам пока побыть тут с нами. – Сестра Луч ловко уложила его обратно на спину и подоткнула одеяло. – Это ненадолго. Нам очень нужны койки, честное слово. Как только вы немного оправитесь, сможете лучше говорить и двигаться – мы вас сразу отправим домой. Согласны?

Отец продолжал недовольно мычать, но перестал рваться из кровати и закрыл глаза.

– Вот молодец. Вздремните немного.

Мы попрощались с папой и тихо вышли из палаты. Сестра Луч вышла нас проводить, ободряюще улыбаясь.

– Сколько времени мужу придется пробыть в больнице? – спросила мама.

– Это решит доктор, дорогая. Смотря как пойдет выздоровление.

– Он поправится? – спросила я. – Совсем поправится?

Сестра Луч колебалась:

– Ему станет намного лучше, я уверена.

– Он снова сможет говорить? И ходить?

– Я думаю, да. Бывает, что люди поправляются полностью.

– А бывает, что и нет?

– Ваш папа – настоящий борец, упрямый характер. У таких людей все обычно бывает хорошо.

Похоже, она торопилась сменить тему и поэтому заинтересовалась моим чудовищным клетчатым платьем.

– Это у вас в школе такая форма? – спросила она сочувственно.

– Я не хожу в школу, – ответила я, краснея.

– Они у нас на домашнем обучении, – вмешалась мама. – Мой муж сам дает им уроки.

Она внезапно замолчала, зажала рот рукой и больше не произнесла ни слова.

Интересно, как мы будем жить дальше?

Когда мы пришли домой, мама разогрела консервированную фасоль с гренками – быстро и вкусно. За едой мы слушали радио, а потом сели, как обычно, шить лоскутное одеяло, Я наметила общий рисунок и вырезала шестиугольники, Грейс приметывала, как умела, а мама шила. Как спокойно и приятно было слушать викторину по радио без папиного непрерывного брюзжания: «Ты что, и этого не знаешь, дурак? Ну, поговори у меня! Идиот надутый, кем он себя воображает?» Он разговаривал с радио, как будто исполнители сидят внутри приемника – маленькие оловянные фигурки – и слышат его возмущенные реплики.

Мы понимали, что нужно говорить о папе и о том, что ждет нас в будущем, но никому не хотелось нарушать спо-

койствие. Мы с Грейс легли в обычное время. Вообще-то мне надо было дочитать книжку о королеве Елизавете Английской для работы по Тюдорам, но история не лезла мне в голову.

Я опустилась на колени перед ящиком с книгами и стала перебирать знакомые корешки. Вот большая растрепанная книжка детских стихов с оторванным корешком и пугающе-странными картинками: пляшущие коровы, слепые мыши и девочки с гигантскими пауками. Я перелистывала страницы этого фантастического мира, где свиньи ходят на рынок, дети живут в башмаках, а луна сделана из зеленого сыра.

Мне вспомнилось, как папа заводил нудным голосом: «Так мы пляшем возле сливы» или «Есть у меня лошадка». Он никогда не сажал меня к себе на колени – я должна была слушать, сидя на корточках у его ног.

– Помнишь, как папа читал нам детские стишки? – спросила я Грейс.

– Мне не нравилось, потому что они страшные. А папа шлепал меня и говорил, что нечего быть такой нюней.

Я спросила, помедлив:

– Грейс, а ты любишь папу?

– Конечно! – сказала Грейс.

– Но иногда и ненавидишь?

– Никогда! – Грейс была, похоже, шокирована.

– Даже когда он себя особенно мерзко ведет? Он ведь говорит тебе еще больше гадостей, чем мне.

– Да, но это потому, что я тупая.

– Никакая ты не тупая. Знаешь, я его ненавижу.

– Пру, нельзя так говорить – он же сейчас болен.

– И что, стал он от этого лучше? Тебе не было за него стыдно перед медсестрой?

– Она такая милая, – сказала Грейс. – Я бы тоже хотела быть медсестрой. Я бы ухаживала за больными, помогала им почувствовать себя лучше, и они бы меня за это любили. Если я не смогу сдать экзамены на настоящую медсестру, я, может быть, смогу устроиться нянечкой в дом престарелых, ухаживать за стариками.

– А за отцом ты будешь ухаживать?

– Ой! Нет, я не смогу! Наверное, он мне не разрешит.

– А кто же за ним будет ухаживать?

Меня замутило от ужаса. Неужели это буду я?

Грейс давно уснула, а я все еще не могла сомкнуть глаз. Я слышала, как мама пошла спать, но, выйдя в туалет, увидела свет у нее в спальне. Она сидела в своем розовом халате на краю постели и неподвижно смотрела в пространство.

– Мама!

– Пру, детка! – Слезы полились у нее по щекам.

– Не плачь, мама! – Я села с ней рядом и обняла за пухлые плечи. – Может быть, папа совсем поправится, медсестра же сказала, что так бывает.

– Может быть, – сказала мама, хотя никто из нас в это не верил. – Я все пытаюсь сообразить, что мне делать. Прямо не

понимаю, что со мной. Наверное, это оттого, что я так долго прожила с папой. Он всегда командовал, а я только делала, что он говорил, и теперь у меня голова совсем не соображает. Особенно сообразительной я вообще-то никогда не была, не то что вы с отцом. Я так восхищалась вашим папой, когда он заходил к нам купить пирожок и сосиску в тесте – я работала тут в булочной, знаешь, где теперь китайцы. Он столько знал, у него было столько книг! Он был из другого мира.

– Значит, ему приглянулась хорошенькая продавщица в булочной, а то бы он не сделал тебе предложения. – Я погладила ее плечо.

– Я никогда не была хорошенькой, детка. И первый шаг сделал не ваш отец, а я. Набралась храбрости и спросила, не нужно ли ему протереть полки и помыть полы в магазине. А потом я приготовила ему обед. Так все и началось.

– И с тех пор ты все трешь, моешь и готовишь. Ничего, мама, все обойдется. Мы будем все делать вместе.

– Я не знаю, с чего начать. Не знаю, как буду справляться, когда отца выпишут из больницы.

– Я тебе помогу, мама. – Я набрала в грудь побольше воздуха. – Если за папой придется ухаживать, думаю, у меня получится.

Мне так стеснило грудь, что я с трудом выговаривала слова. Мама покачала головой.

– Нет, – твердо сказала она. – Это единственное, что я знаю точно. Ты еще ребенок, хотя и умница, и я не допущу,

чтобы ты взвалила на себя такой груз. Да тебя и не будет дома днем. Ты будешь в школе.

Я уставилась на маму.

– Тебе придется пойти в школу, Пру. И Грейс тоже. Папа теперь не сможет вас учить, а я уж точно с этим не справлюсь. Вам столько нужно знать для этих экзаменов. Мы не можем нанять вам репетиторов по всем предметам, у нас просто нет таких денег.

– Мама, прости, что я взяла те деньги на мисс Робертс.

– Ладно уж. Ты ведь больше так не будешь. Я столько лет мучалась оттого, что у вас так мало карманных денег. Хотя, конечно, мне бы хотелось, чтобы вы тратили их на что-нибудь разумное, а не на эти дурацкие кружевные тряпки.

– Я понимаю. Просто... мне так хотелось.

– Конечно, хотелось. Думаешь, мне никогда ничего не хочется? – Мама увидела мои изумленные глаза и вдруг расхохоталась. – Не кружевного белья, конечно. Эти твои штучки мне даже на коленку не налезут. Но у меня тоже есть мечты. Не одежда – на мою фигуру жалко тратиться. – Мама презрительно похлопала себя по бедрам, как будто это толстые глупые звери, с которыми она ничего не может сделать. – Но я так люблю всякие штучки для дома, знаешь, все эти приспособления, которые облегчают жизнь. И потом, господи ты боже мой, как бы мне хотелось телевизор, как у всех. Я пыталась доказать папе, что там много полезных образовательных программ, но он и слышать не хотел. Ему бы только

книги, книги, книги. Но он должен понять, что вы не можете научиться *всему* только из книг. Тебе нужно ходить в школу, чтобы подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости. Грейс тоже пора начинать – она не так быстро все схватывает.

Я много лет умоляла папу отдать меня в школу. Я обожаю читать книжки про школу. Проглотила всю серию Элиноор Brent-Дайер про школу Шале, от души смеялась над «Закадычными друзьями» Анжелы Брэзил, подружилась с «Близняшками в школе Св. Клары», и, конечно, ходила в школу Хогвартс с Гарри Поттером. Но все это были, разумеется, старомодные школы, к тому же выдуманные.

Я вспомнила нашу районную школу Вентворт – мрачное бетонное здание в трех кварталах от дома, – и никак не могла представить, как она выглядит внутри. Там даже на школьный двор не заглянешь, потому что он окружен высоким сплошным забором, по верху которого пущена страшная колючая проволока. Не знаю уж, чтобы не ворвались бандиты или чтобы не разбежались ученики.

Я представила, как вхожу в это унылое здание, и спросила: – Но это будет не Вентворт, правда?

Мальчишки из Вентворта иногда с шумом и руганью врываются в наш магазин, раскидывали книги и спрашивали у отца всякие непристойные названия. Он выпроваживал их и грозился вызвать полицию. Несколько раз он пытался звонить в школу и жаловаться, но учителя, по его словам, были

такие же хамы, как дети.

– Папа просто умрет, если вы пойдете в Вентворт. – Тут мама зажала себе рот рукой и поспешно забормотала: – Нет-нет, мы пошлем вас с Кингтон. Там учился ваш папа, когда это была еще гимназия. Ему будет приятно, что вы пошли по его стопам. Хотя, конечно, ему бы больше понравилась школа для девочек. Может быть, удастся подыскать вам приличное учебное заведение для девочек.

Звучало это так, словно мама надеется, что у нас через дорогу по волшебству возникнет женский монастырь с подобающей школой для молодых девиц. Я представила себя в соломенной шляпке и пелерине под руку с моей лучшей подругой Джейн. Мы хохочем и рассказываем друг другу секреты. Не важно, что остальные считают нас странными – главное, что нас двое.

Я представила, как Грейс тащится за нами в школу. Мне стало ее жалко, и я придумала и ей лучшую подругу пухленькую краснощекую девочку, которая обожает нашу Грейс и всегда за нее заступает. Я даже вообразила маму, которая подружилась с мамами других девочек, а папа благодушно смотрит на это из окна – безобидный инвалид...

5

Нам пришлось пойти в Вентворт. Все другие школы были переполнены, места нужно было ждать годы.

– Мама, мы не можем учиться в Вентворте, – сказала я. – Мы туда не пойдем. Все равно я тебе сейчас нужна, чтобы помогать в магазине.

– Нет, это слишком большой риск. Если инспектор из департамента образования пронюхает, что ты работаешь, нас точно отдадут под суд. Ничего, Пру, с понедельника ты начинаешь учебу в Вентворте, все уже решено.

– Но я не хочу в Вентворт, мама! Ты же сама говорила...

– Я знаю, что я говорила. Но поделать ничего не могу. Просто не знаю, что еще предпринять. О господи, ты не могла бы сейчас не осложнять мне жизнь? Я уже и так дошла до ручки.

Я не очень понимала, о какой ручке идет речь, и представила маму, привязанную толстой веревкой к ручке входной двери.

– Ладно, мама, не волнуйся, мы туда пойдем, – сказала я.

– Но это же будет ужасно! – всхлипывала ночью Грейс в своей кровати. – Когда я захожу в кондитерскую купить конфет, эти девчонки из Вентворта всегда строят мне рожи, перешептываются и хохочут. Я знаю, это они надо мной. А еще они воруют конфеты, я сама видела. А мальчишки еще хуже

– ты сама знаешь.

– Не надо об этом, а, Грейс? – Мне хотелось побыть с Тонией в нашем особенном мире.

– Тебе-то хорошо. Ты худенькая, красивая и умная, у тебя будет куча друзей. А меня защилят и задразнят за то, что я толстуха.

– Не будут они тебя щипать. А если будут, я им всем головы расколочу! – Я говорила решительно, хотя сомневалась, что могу расколотить что-нибудь тверже крутого яйца.

Грейс, похоже, была того же мнения.

– Слушай, если там окажется совсем уж невыносимо, мы просто перестанем ходить, и все, – сказала я. – Будем делать вид, что идем в школу, а сами пойдем гулять, поедем в город или еще что-нибудь придумаем – как я тогда вместо этой кошмарной мисс Робертс.

– Правда? – Грейс села на кровати и высморкалась. – Пру, а давай вообще туда не пойдем. Давай сразу пойдем гулять. Вот будет здорово!

– Ты, главное, помалкивай, а то еще выболтаешь все маме.

– У меня рот на замке, клянусь! – ответила Грейс.

В воскресенье вечером мама забеспокоилась, в чем нам идти.

– Я позвонила в пятницу в школу и объяснила, что мы не успеем обзавестись формой. Думала, найду что-нибудь в «Детском мире», но зеленого там ничего нет, да и цены просто издевательские. Они говорят, что по пятницам у

них устраивается распродажа школьной формы секонд-хенд, очень дешево, так что там, наверное, можно будет вам все подобрать. А пока придется вам ходить в обычных платьях и кофтах, а если будут спрашивать, объясняйте, что форму пока купить не успели.

– Хорошо, мама, – послушно сказали мы.

– Вы должны быть в школе завтра в четверть девятого, чтобы успеть поговорить с директором. Я думаю, она хочет вас немного подбодрить перед началом занятий. Так что не нервничайте, все будет хорошо. Я пойду с вами.

Мы посмотрели на нее.

Мама расправила юбку и придирчиво оглядела ее со всех сторон. Вообще-то это была не настоящая юбка, а кусок материи на занавеску, который мама быстренько разрезала и сшила по бокам. С тех пор она еще поправилась. Мама уставилась на крупные красные розы на своих выпирающих толстых бедрах.

– Ох ты господи! Интересно, влезу я еще в выходной костюм?

– Тебе совсем не нужно идти с нами в Вентворт, – завершила я ее.

– Очень даже нужно, – ответила мама. – Отец, понятно, пойти не может, значит, больше некому.

– Мама, не надо. У нас будет идиотский вид, если мы придем с тобой.

Мама взглянула на меня, и лицо у нее стало краснее роз

на юбке.

– Мам, не потому, что это ты, – поспешно сказала я. – А потому, что мы придем в школу с мамой. Все остальные будут над нами смеяться!

– Значит, посмеются. – Мама выпятила подбородок. – Я все равно пойду, Пруденс. Я должна пойти. Для начала мне надо убедиться, что вы действительно дошли до школы.

Она посмотрела мне прямо в глаза – и тут уже я покраснела.

– Мама, мы не хотим туда идти! – заныла Грейс и расплакалась.

Мама села на диван и притянула Грейс себе на колени.

– Успокойся, детка, – сказала она, покачивая ее.

– Там все такое страшное, противное и незнакомое, – всхлипывала Грейс.

– Знаю. – Мама потерлась щекой о бесцветные волосенки Грейс. – Мне вовсе не хочется посылать вас в школу, малышка. Бог свидетель, я сама ее ненавидела. Но раз ваш отец не может больше вас учить, приходится на это пойти... И потом... может быть, вам пора уже приучаться к обычной жизни. Я так хочу, чтобы вы обе были счастливы.

На следующее утро мы отправились в Вентворт в своих нелепых платьях домашнего изготовления, и вид у нас был самый жалкий. Мама не влезла в свой выходной костюм, поэтому пришлось ей втиснуться обратно в юбку с красными розами, а сверху натянуть розовый вязаный джемпер, обтя-

гивавший ее колоссальную грудь. Грейс надела розовое платье с пандами. Я сказала, что оно, пожалуй, и впрямь выглядит слишком детским, чем страшно ее оскорбила. Тем не менее Грейс его надела, потому что это ее любимое платье.

Я от всей души ненавидела все свои платья, но красно-белая клетка казалась мне наименее вызывающей. Под платье я надела новое кружевное белье – для храбрости. Я надеялась, что в этом белье почувствую себя такой же, как девчонки из Вентворта, – уверенной, неотразимой и опытной.

Ступив на школьный двор, мы тут же попали под перекрестный огонь любопытных взглядов. Однако мы неуклонно продвигались вперед. Двор казался огромным, как пустыня Сахара. Я поняла, что скрытые под платьем кружевные бретельки меня не спасут. Многие ребята скверно ухмылялись, как будто в школу приехал цирк. Мы были клоуны.

Девчонки стояли группками и хихикали. Мальчишки начали пихать друг друга и орать. Мама с тревогой посмотрела на нас и взяла за руки. Она хотела как лучше, но это была большая ошибка. Я тут же вырвалась, но Грейс вцепилась в мамину руку. Улюлюканье у нас за спиной стало громче.

– Отпусти ее! – прошипела я.

Они вцепились друг в друга, не обращая на меня внимания. Я вздохнула и пошла вперед, высоко подняв голову и не глядя по сторонам, что бы там ни кричали. Освободившись от мамы и Грейс, я шла между Джейн и Товией. Нам было наплевать на всех этих крикунов, нам, гордой, непри-

ступной, художественно одаренной троице...

– Ой, ты погляди, на что они похожи! Мамаша – ходячий диван, маленькая толстуха напялила детское одеяльце, а эта тощая дылда с надутой физиономией – скатерть.

Я не сумела сохранить неприступный вид. По щекам у меня катились слезы. Я повернулась и показала им фигу. Они радостно завизжали. Мама в ужасе посмотрела на меня:

– Пруденс! Прекрати!

– Мама, а что она делает? Пру, что это значит, когда так складываешь пальцы?

– Не знаю, – соврала я.

Я видела, как мальчишки на улице показывают друг другу кукиш, и догадалась, что это значит. Грейс, кажется, искренно ничего не понимала. Она выглядела совсем маленькой и очень испуганной.

– Я хочу домой, – заныла она, отшатываясь от двери в школу.

Похоже было, что мама сейчас сдастся.

– Не представляю, чему вы можете научиться в такой обстановке, – прошептала она. – Папа меня убьет, когда узнает.

– Пойдем скорей обратно, – сказала я.

Мы умоляюще посмотрели на маму. Она закусила губу и переминалась с ноги на ногу в своих шлепанцах, беспомощно расправляя красные розы на бедрах.

– Просто не знаю, что делать, – с трудом выговорила она.

Тут к нам подошел черноволосый человек с бородкой. Он

был в черных джинсах и холщовой куртке, в одном ухе поблескивала бриллиантовая серьга. Мы растерянно смотрели на него. Он казался совсем мальчиком, но борода ясно свидетельствовала, что это не школьник.

– Вам помочь? – спросил он.

– Мои дочери будут здесь учиться... Вероятно... – сказала мама.

Он улыбнулся нам с Грейс. Вообще-то я не выношу бородатых мужчин, но у него борода была маленькая, аккуратно подстриженная и смотрелась отлично, особенно в сочетании с серьгой.

– Надеюсь, вам здесь понравится. Не волнуйтесь так. В первый день в новой школе всегда все кажется очень странным.

– Они у меня вообще не ходили в школу. Много лет. – Мама пустилась в длинное и совершенно ненужное изложение наших биографий.

Мужчина вежливо слушал, а мы с Грейс страдальчески переглядывались.

– Я думаю, все будет хорошо, – прервал он наконец поток маминых излияний и кивнул нам с Грейс. – Мы еще, может быть, встретимся в художественном корпусе. Меня зовут мистер Рэксбери, и я преподаю здесь рисование.

– У меня с рисованием ничего не выходит, зато Пру у нас рисует великолепно, – сказала Грейс.

– Ничего подобного. – Я покраснела.

– Ты правда здорово рисуешь, – настаивала Грейс.

Я промолчала, чтобы не продолжать нелепую семейную сцену.

Мистер Рэксбери взглянул на меня. Взгляд у него был очень внимательный, как будто он собирает меня нарисовать и отмечает все детали. Если бы я не выглядела так идиотски в своем скатертном платье! В его темных глазах читались симпатия и сочувствие, словно он угадывал мои мысли.

Он показал нам учительскую и представил секретарше:

– Джина вами займется. Успехов! И удачи вам в первый день! – И он поспешил дальше по коридору.

Джина мечтательно посмотрела ему вслед. Она явно с большим удовольствием занялась бы им. Потом она выдала нам анкеты для заполнения и попросила посидеть в креслах перед кабинетом директора.

Мы забились в эти кресла и в ужасе притихли, а мимо нас толпами носились топочущие, хохочущие, орущие ученики.

– Почему учителя не скажут им, чтобы они вели себя потише? – прошептала мама. – Хотя учителя тут тоже, видно, странные. Ты видела – у этого мистера Рэксбери серьга! Неужели им это разрешается?

– Он преподает рисование, мама, он художник.

– Не представляю, что бы сказал на это ваш отец.

Наступила пауза. Все мы с ужасом подумали о том, что отец пока решительно ничего не может сказать.

Я скорчилась в кресле, раздавленная сознанием вины.

Грейс сочувственно потянулась ко мне – и смазала чернила на своей анкете.

– Тьфу ты! – вздохнула она.

– Грейс! Не разводи грязь, – сказала мама. – Напиши свое имя еще раз, только поаккуратней. Смотри, как криво! Пиши не так крупно, чтобы уместилось на строке.

– Мельче не получается, – пробормотала Грейс, вцепляясь в ручку так, что костяшки побелели. От усердия и сосредоточенности она высунула язык, а закончив, покосилась в мою анкету. – Mamочки! Я неправильно написала адрес! Я перепутала цифры в индексе, – запричитала она. – Что теперь делать? Зачеркнуть и написать сверху?

– Нет, тогда вообще будет грязь. Оставь как есть – какая разница! – сказала я.

Свою анкету я заполнила аккуратнейшими печатными буквами тоненьким чертежным пером, которое нашлось у меня в рюкзаке.

Ухоженная блондинка в светлом брючном костюме прошла мимо нас в кабинет директора, даже не постучавшись.

– Какая наглость! Мы пришли раньше! – сказала мама. – Может, это его секретарша, как вы думаете?

Это была не секретарша. Через две минуты блондинка высунулась из кабинета и пригласила нас войти. Это была директор школы, мисс Уилмотт.

– Мы не ожидали, что вы – женщина, – глупо сказала мама.

– Уверяю вас, миссис Кинг, что я не переодетый мужчина.

У мамы был страшно смущенный вид. Мы с Грейс неловко захихикали.

– Добро пожаловать в Вентворт, – сказала мисс Уилмотт. – Мы все здесь новенькие. Я сама пришла только в начале полугодия.

Она предложила нам сесть и сама села за свой стол, опираясь на локти и сложив руки перед собой. Руки у нее были очень ухоженные, с красиво подпиленными ногтями, покрытыми розовым лаком. Я положила руки на колени и старалась выглядеть непринужденно. За спиной мисс Уилмотт висело несколько репродукций, в основном сотворение мира в разных вариантах, но было и одно Рождество с хороводом ангелов над яслями. Эта картина висела в Национальной галерее в одном зале с Товией и его ангелом.

Мисс Уилмотт перехватила мой взгляд.

– Тебе нравится моя картина? Это Беллини, итальянский художник.

– Ну что вы! – удивилась я. – Это Боттичелли, у него совсем другая манера – поэтическая и бесплотная. Я его очень люблю.

– Приятно слышать, – сказала мисс Уилмотт, хотя по голосу было похоже, что ей вовсе не приятно.

– Наша Пруденс хорошо разбирается в искусстве, – сообщила мама. – Мой муж водит девочек по музеям и все им подробно объясняет. Он вообще очень много ими занимается.

– Отлично, – подхватила мисс Уилмотт. – Я хочу, чтобы в Вентворте искусству уделялось особое внимание. Вашим дочерям наверняка понравятся уроки рисования.

– Только не мне! – сказала Грейс. – Спасибо, но мне рисования не надо, потому что я все равно ничего не умею. Я лучше возьму литературу, историю, географию и что-нибудь из естественных наук, только не слишком сложное.

– Тебе выдадут расписание, Грейс, – сказала мисс Уилмотт. – Вот увидишь, там будут все предметы. А пока я хочу дать вам небольшой тест, чтобы определить, в какой класс вас помещать.

– Я не умею писать тесты, – испуганно сказала Грейс, видимо твердо решив убедить мисс Уилмотт, что она совсем чокнутая.

– Грейс боится, – объяснила мама. – Она и правда не очень сообразительная – в меня пошла, бедняжка. – Мама неестественно засмеялась. – Зато Пруденс у нас умница. Она будет первой ученицей, вот увидите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.